

Научная статья
УДК 347.45/.47
DOI 10.33184/pravgos-2022.4.13

Original article

КОЛЕСНИЧЕНКО Ольга Викторовна
Рязанский филиал Московского университета
МВД России им. В.Я. Кикотя, Рязань, Россия;
e-mail: olja_korn@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-3645-2861>

KOLESNICHENKO Olga Viktorovna
Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow
University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia, Ryazan, Russia.

КАРАТЕЛЬНЫЕ И СПРАВЕДЛИВЫЕ ФОРМЫ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В ИСТОЧНИКАХ ПРАВА И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

PUNITIVE AND FAIR FORMS OF COMPENSATION FOR HARM TO HEALTH IN THE SOURCES
OF LAW AND THE CIVIL LAW DOCTRINE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE
19TH - EARLY 20TH CENTURY

Аннотация. Несмотря на то что одной из важнейших задач развития института возмещения убытков признается строгая регламентация понятийной базы, в современной цивилистике вопросы выбора форм и способов возмещения вреда здоровью остаются без должного теоретического обоснования и рассмотрения. Поскольку проблемы применения гражданско-правовых последствий повреждения данного нематериального блага обычно раскрываются исключительно в контексте применения института компенсации морального вреда, особый интерес представляет исследование истории развития общих правил наступления деликтной ответственности за вред здоровью, а также первых попыток привлечения средств страхового возмещения для защиты имущественных интересов пострадавших от несчастных случаев. Цель: исследование деликтных источников и норм гражданского права Российской империи конца XIX – начала XX в., имеющих отношение к развитию традиционных и альтернативных правовых форм возмещения вреда здоровью, для выявления подходов, актуальных в современных условиях. Частные задачи состоят в выявлении проблем правовой регламентации соответствующих общественных отношений, основополагающих теоретических подходов и отдельных значимых мнений по вопросам о сущности и правовой природе деликтной ответственности в ее различных модификациях, а также альтернативных правовых средств возмещения вреда здоровью. Методы: общеправовые (материалистический, диалектический), общенаучные (логический, системно-структурный, аксиологический), частнонаучные (формально-юридический, историко-правовой, системный). Результаты: автором обосновывается существование в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи рассматриваемого периода предпосылок к расширенному толкованию конструкции деликтной ответственности, сопровождающемуся включением в содержание такой ответственности справед-

Abstract. Despite the fact that one of the most important tasks for the development of the institution of compensation for losses is recognized as a strict regulation of the conceptual base, in modern civil law, the issues of choosing forms and methods of compensation for harm to health remain without proper theoretical justification and consideration. Since the problems of applying civil law consequences of damage to a given intangible good are usually revealed exclusively in the context of applying the institution of compensation for moral damage, it is of particular interest to study the history of the development of general rules for the onset of tort liability for harm to health, as well as the first attempts to attract insurance compensation funds to protect the property interests of accident victims. Purpose: to study the doctrinal sources and norms of civil law of the Russian Empire of the late 19th - early 20th centuries, related to the development of traditional and alternative legal forms of compensation for harm to health, in order to identify approaches that are relevant in modern conditions. The specific tasks are to identify the problems of legal regulation of the relevant social relations, underlying theoretical approaches and individual significant opinions on the issues of the essence and legal nature of tort liability in its various modifications, as well as alternative legal remedies for harm to health. Methods: general philosophical (materialistic, dialectical), general scientific (logical, system-structural, axiological), specific scientific (formal-legal, historical-legal, systemic) research methods are used. Results: the author substantiates the existence in the sources of law and the civil law doctrine of the Russian Empire of the period under consideration of the prerequisites for an expanded interpretation of the construction of tort liability, where such liability is accompanied by the inclusion of a fair obligation to compensate for material losses of a certain activity. Legal tools to individualize the punitive function of such liability, unusual in the modern era, have been identified (restrictions preventing the transfer of material losses to persons who are not delinquents when they commit crimes, the possibility to cover the indirect consequences of an offense with reward in terms of intentional unlawful acts, etc.). The difference between punitive

© Колесниченко О.В., 2022

2 В наименовании статьи сохранен термин «вознаграждение вреда», поскольку именно он использовался в законодательстве и в юридической литературе рассматриваемого периода. Здесь и далее используется в значении «возмещение вреда».

ливой обязанности по вознаграждению материальных потерь от определенного рода деятельности. Установлено наличие правовых инструментов индивидуализации карательной функции такой ответственности, нехарактерных для современной эпохи (ограничения, препятствующие переложению материальных потерь на лиц, не являющихся делинквентами, при совершении ими преступлений, возможность охватить вознаграждением опосредованные последствия правонарушения в части, касающейся умышленных недозволенных деяний, и др.). Различие между карательными и справедливыми формами возмещения вреда преподносится в качестве системобразующей проблемы цивилистики, решение которой и сегодня остается методологическим «ключом» к преодолению пробелов и противоречий правовой регламентации деликтных обязательств.

Ключевые слова: вред здоровью, физический вред, вознаграждение, возмещение, справедливость, карательная функция, деликтная ответственность

Для цитирования: Колесниченко О.В. Карательные и справедливые формы вознаграждения вреда здоровью в источниках права и цивилистической доктрине Российской империи конца XIX – начала XX века / О.В. Колесниченко // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 94-102. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.13.

and fair forms of compensation for harm is presented as a system-forming problem of civil law, the solution of which remains today the methodological «key» to overcome gaps and contradictions in the legal regulation of tort obligations.

Keywords: harm to health, physical harm, reward, compensation, justice, punitive function, tort liability

For citation: Kolesnichenko O.V. Punitive and fair forms of compensation for harm to health in the sources of law and the civil law doctrine of the Russian Empire in the late 19th – early 20th century. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 94-102. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.13 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В современной цивилистической доктрине исследование правовой природы, форм и способов защиты нематериальных благ акцентировано на их воплощении в личных немущественных правах, с помощью которых достигается индивидуализация личности в обществе [1, с. 234], о чем недвусмысленно свидетельствует понимание их сущности как обеспечивающих гражданину физическую и интеллектуальную неприкосновенность его внутреннего мира [2, с. 30]. Поскольку наука тяготеет к постулированию качественной специфики способов защиты всех категорий нематериальных благ, проистекающих из особенностей их правовой природы, проблемы применения гражданско-правовых последствий повреждения здоровья обычно раскрываются в контексте применения института компенсации морального вреда, облеченного в правовую форму «возмездия» от применения имущественной санкции к делинквенту [3, с. 18]. Вопросы выбора форм и способов возмещения вреда здоровью в материальном смысле остаются без должного теоретического обоснования и рассмотрения, несмотря на то что строгая регламентация понятийной базы обоснованно считается одним из ключевых направлений развития института возмещения убытков [4, с. 689]. В сложившихся условиях особый интерес представляет изучение истории развития общих правил наступления

деликтной ответственности за вред здоровью, а также первых попыток привлечения средств страхового возмещения для защиты имущественных интересов пострадавших в результате несчастных случаев.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ЗА ВРЕД ЗДОРОВЬЮ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ И ИСТОЧНИКАХ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Как известно, в дореволюционной литературе в соответствии с принятой официальной терминологией понятие «вознаграждение за вред» использовалось для всех случаев повреждения материальных или нематериальных благ субъектов. Качественной особенностью законодательной техники того периода являлось определение правовых условий назначения компенсаций в двух обособленных разделах отд. 2 «О вознаграждении частном», отнесенного к гл. 6 Свода законов гражданских, которые посвящены «вреде и убыткам», причиненным преступлением или проступком, а также происходящим от деяния, не признаваемого преступлением или проступком¹. Неотъемлемым условием применения

¹ Свод законов Российской Империи (по изд. 1900 г.). Кн. 3. Т. X [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/> (дата обращения: 22.04.2022).

раздела о «преступном» вреде служило доказанное особым процессуальным порядком виновное совершение лицом преступления или проступка, причем, несмотря на то что интенсивность вины признавалась не имеющей правового значения для определения размера компенсации [5, с. 417–428], отдельное правило на этот счет все же существовало. Совершивший умышленное недозволенное деяние мог быть присужден к обязанности отвечать в повышенном размере и за более отдаленные неблагоприятные последствия своих действий (бездействия), если удавалось подтвердить, что его намерением охватывалось причинение потерпевшему каких-либо «более или менее важных» убытков или потерь (ст. 645 разд. II отд. 2 Свода законов гражданских).

Активную дискуссию между тем порождало содержание разд. III гл. 6 т. X Свода законов гражданских, в котором речь шла о вознаграждении за вред и убытки, последовавшие от деяний и упущений, не составляющих преступления (проступка). Перечисление в ст. 684 обстоятельств, освобождающих от обязанности по вознаграждению такого вреда, не вносило необходимой ясности в понимание ее правовой природы и качественных отличий от обязанности, предусмотренной ст. 644. В сущности, речь шла лишь о конкретизации обстоятельств, свидетельствующих о невозможности установления волевого элемента вины применительно к содеянному (принуждение на основании норм закона, личная оборота и др.). Иные нормы данного раздела частично отсылали к общему порядку определения размера причиненного вреда и убытков и повторяли положения об основных началах ответственности родителей (лиц, осуществляющих надзор за малолетними, безумными и сумасшедшими) за вред, причиняемый малолетними, частично – регулировали отдельные случаи возмещения вреда за последствия недозволенных деяний «иного рода» (возмещение вреда господами и верителями, владельцами диких и других опасных животных и др.).

А.М. Гуляев, проводя последовательный обзор действовавшего законодательства и кассационной практики Правительствующего сената, отмечал, что основанием ответственности по ст. 684 Свода законов гражданских является уже не вина, а причинная связь между вредом (убытками) и деянием, поскольку таковая может обнимать не только злой умысел и неосторожность, но и то «направление воли, за пределами которого лежит простой случай» [6, с. 489].

Такому подходу, однако, прямо противоречили указания на необходимость установления вины применительно к отдельным видам упущений (владельцы диких и иных опасных животных, к примеру, должны были быть повинны в недосмотре за ними), ввиду которых содержание рассматриваемой статьи воспринималось, скорее, в качестве общего правила, обязывающего каждого вознаграждать всякий вред и убытки, если они происходили от его действий (бездействия) [7, с. 68–69]. Предпринимались также попытки обосновать альтернативные количественные параметры оценки вины для целей гражданско-правового регулирования взамен «отрицательных критериев виновности», устанавливаемых ст. 684 [8, с. 74]. В целом же существующие разновидности недозволенных деяний чаще всего подразделялись по сугубо формальным основаниям на гражданские правонарушения, совпадающие с преступлениями (проступками), и правонарушения, порождающие лишь обязанность по возмещению вреда [9, с. 577].

Юрико-техническое решение, предполагающее обособленное регулирование имущественных последствий различных по степени своей общественной опасности недозволенных деяний, находило различный отклик в доктрине и развивающейся судебной практике в отношении отдельных видов обязательств. В частности, И.М. Тютрюмов в обстоятельном обзоре законов гражданских обосновывал, что перечисленные в ст. 649–654 случаи привлечения третьих лиц к исполнению обязанности по возмещению вреда, причиненного чужим преступлением или проступком, составляют суть исключения исчерпывающего характера [10, с. 763]. По этой логике господа и верители не могли быть привлечены к возмещению причиненного их слугами и поверенными вреда в случае совершения ими преступлений.

Из приводимого К.П. Змировым объяснения относительно процессуальных аспектов участия владельцев железнодорожных и пароходных предприятий в рассмотрении дел о преступлениях, совершенных их служащими, следовало, что имущественная ответственность третьих лиц может носить карательный характер, если они привлекаются к обязанности по возмещению вреда за собственную вину, выразившуюся в ненадлежащем надзоре или недосмотре за его причинителем, а может представлять собой явление обособленное, существующее в силу специальных правовых оснований, при этом последнее исключает

привлечение третьего лица к возмещению вреда в суде уголовном [7, с. 37].

Можно было бы предположить, что законодатель разделял таким образом карательные и иные формы возмещения вреда, основное различие между которыми состояло в том, что первые применялись при наличии вины тех или иных лиц в наступлении неблагоприятного результата (большая вина здесь как бы поглощала меньшую, поэтому при совершении преступлений или проступков вызванные ими вред и убытки не могли быть полностью или частично переложены на третьих лиц, лишь опосредованно причастных к случившемуся), вторые же предписывали отдельным субъектам нести вызванные их деятельностью материальные потери только потому, что было бы несправедливо сохранить их бремя за потерпевшим. Последовательному применению такого подхода, однако, препятствовало отсутствие в нормах права четко выраженного правила о возложении обязанности по вознаграждению вреда, причиненного преступлением или проступком, исключительно на его причинителя в сочетании с желанием законодателя использовать право требования потерпевшего к очевидно более состоятельному в имущественном плане третьему лицу в качестве эффективного средства гражданско-правовой защиты.

ПОЯВЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЙ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ В ПРОЦЕССЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА

С развитием промышленности и технологий идея справедливого возмещения вреда и солидаризации имущественной ответственности получила дальнейшее распространение в том ключе, что именно на началах справедливости в противовес карательным началам на субъектов, извлекающих прибыль от определенного рода деятельности, предполагалось возлагать вызванные такой деятельностью убытки. Будучи отправной идеей для преобразования законодательства в области вознаграждения за вред, причиненный повреждением здоровья или смертью, эта идея тем не менее повлекла за собой принципиально различное развитие форм и способов возмещения физического вреда применительно к отдельным повреждающим факторам.

Специальная норма ст. 683 Свода законов гражданских об ответственности железнодо-

рожных и паровозных предприятий в 1900 г. впервые ввела опровержимую презумпцию вины предпринимателей в причинении вреда здоровью в ходе эксплуатации железных дорог и паровозного сообщения. Такая ответственность реализовывалась в своем непосредственном значении, то есть не была тождественна современной конструкции ответственности независимо от вины («строгой» ответственности). Основанием, освобождающим предприятие от обязанности вознаградить вред данного рода, служило не только доказательство воздействия непреодолимой силы, но и наступление несчастия «не по вине управления предприятием и его агентов».

Вместе с тем развитие судебной практики по применению указанных положений шло вразрез с их буквальным содержанием или даже существенно их дополняло. Так, причинение вреда волею случая могло быть доказуемо предпринимателем как факт, подтверждающий отсутствие вины в несчастии со стороны его управления или агентов, однако Правительствующий сенат в своей кассационной практике достаточно быстро встал на сторону подхода, согласно которому случай не исключал применения ст. 683. Происхождение вреда «не по вине управления предприятием или его агентов» следовало толковать в ограничительном смысле как доказательство его причинения только лишь в результате собственной вины потерпевшего или не принадлежащих к предприятию посторонних лиц, деяния которых не производили собой той особой опасности, которая присуща эксплуатации железных дорог или паровозному сообщению².

Идея о виновном свойстве ответственности владельцев железнодорожных и паровозных предприятий вкупе с предположением об особом содержании этой вины находила косвенное подтверждение в предоставлении таким субъектам права обратного требования к совершившим недозволенное деяние агентам. Виновность железной дороги или паровозного предприятия, исходя из этого подхода, состояла в отсутствии постоянной, непрерывной и неослабевающей заботливости [11, с. 707], которая могла бы оградить и от простой случайности, если ее проявлению способствовала особая опасность данного рода деятельности.

² Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1901 г. № 115 // Вознаграждение за вред и убытки, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных железнодорожными и паровозными предприятиями, по решениям Правительствующего Сената. СПб.: Сенатская тип., 1908. С. 113.

Однако согласно отмеченному выше принципу действия «карательных» форм возмещения вреда большая вина поглощала меньшую, поэтому при наличии возможности вменения конкретных упущений в вину отдельным физическим лицам ответственность могла быть доведена до непосредственного причинителя вреда без ущерба интересам пострадавшего. Тем временем при урегулировании несчастных случаев, наступлению которых способствовали деяния самого пострадавшего, вновь подлежал применению общий стандарт вины в гражданском праве, понимаемой в контексте проявления/непроявления той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась бы по обстоятельствам дела от каждого разумного человека³. Как справедливо отмечал по этому поводу Т.М. Яблочков, лежащая в основе ответственности идея о происхождении несчастия от «опасности промысла» не доводилась до конца, а сама такая ответственность была подобна товару, измеряемому аршином в 16 вершков для обычных покупателей и 12 вершков – для подвыпивших [5, с. 414].

С появлением в законе норм об усиленной ответственности железнодорожных и паровозных предприятий изменился и подход к способам и порядку вознаграждения вреда здоровью. В то время как общими нормами гражданского законодательства определение размера возмещения вреда отдавалось на усмотрение суда, для данного случая впервые обосновывался принцип полного возмещения всего фактического причиненного ущерба. Из объема и размера последнего исключались составляющие и части выплат, погашенные в результате применения альтернативных форм компенсации, во внедрении которых владелец предприятия принимал непосредственное участие (речь шла, в частности, о выплате пособий пострадавшим агентам и служащим из сберегательных касс и касс взаимопомощи предприятия в той части, в которой источником их формирования не являлись собственные взносы заявителя или начисленные по ним проценты⁴). В отличие от общих правил вознаграждение назначалось по выбору по-

терпевшего, а не суда в форме повременных платежей либо единовременной суммы. В последнем случае, однако, с тем расчетом, что с ее выплатой погашались все будущие материальные претензии пострадавшего независимо от последующего ухудшения состояния здоровья.

ПОЯВЛЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЙ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ.

ИНЫЕ ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

В рассматриваемый период ввиду все тех же причин, связанных с расширением области применения машин в процессе человеческой жизнедеятельности, появилась потребность в предложении более эффективных правовых средств возмещения вреда лицам, пострадавшим в результате несчастных случаев в промышленности и на производстве. Первым шагом на этом пути стало принятие специальных правил о вознаграждении за вред, причиненный при эксплуатации предприятий фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности в отношении фабричных и заводских рабочих⁵, согласно которым владельцы таких предприятий могли быть освобождены от обязанности произвести необходимое вознаграждение только в том случае, если могли доказать происхождение физического вреда от злого умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего. Для оценки последней вводился параметр соответствия поведения работника условиям и обстановке производства работ⁶.

Несмотря на то что приводимые положения не вошли в состав действовавшего гражданского законодательства (в ст. 683 Свода законов гражданских появилось примечание о регламентации соответствующих вопросов Уставом о промышленности), на данном этапе речь шла, на наш взгляд, о модификации конструкции имущественной ответственности

3 Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1905 г. № 31 // Вознаграждение за вред и убытки, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных железнодорожными и паровозными предприятиями, по решениям Правительствующего Сената. С. 130–131.

4 Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 28 июня 1912 г. № 1301 // Законы гражданские. Петроград : Изд. И.И. Зубкова под фирмой «Законоведение», 1915. Т. I. С. 676.

5 Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности: высочайше утв. 2 июня 1903 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова : сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1903.htm> (дата обращения: 22.04.2022).

6 Свод законов Российской Империи. Кн. 4. Т. XI. Ч. 2. Устав о промышленности. СПб. : Книжное товарищество «Деятель», 1912. С. 1263–1279.

владельцев горнозаводских и фабричных производств. В отличие от специальной ответственности владельцев транспортных предприятий она приобретала не только полностью независимый от вины («строгий») характер, но и была распространена до пределов влияния обстоятельств непреодолимой силы с тем условием, что телесные повреждения были причинены пострадавшему работами по производству предприятия или произошли от таких работ. Обоснованием такого подхода служила преобладавшая еще до принятия закона 1903 г. доктринальная позиция, согласно которой в результате сознательного вовлечения к служению в производстве различных сил природы сами условия труда на таких предприятиях отличались высокой вероятностью случайных и неожиданных проявлений сил и движений предметов, чаще всего являющихся непосредственной причиной несчастий [12, с. 230].

В связи с развитием постулата о неустрашимом свойстве опасностей, присущих производственному процессу, стала постепенно приобретать осязаемые очертания теория риска в деликтных обязательствах. Выдвигаемая часто теми же авторами, которые в качестве субъективного условия возникновения любой обязанности по вознаграждению вреда воспринимали только вину в различных ее формах, она, однако, содержала в себе ключевую мысль о том, что опасность наступления внезапных вредоносных событий, грозящая рабочим, представляет собой не что иное, как профессиональный риск, присущий данному роду деятельности. Принятие этого риска владельцами фабрично-заводских и горных предприятий в полном объеме предполагало и вознаграждение потерь от его объективизации, независимо от наличия или отсутствия с их стороны конкретных упущений [13, с. 4, 13]. Впрочем, и этот подход не давал полноценного объяснения законодательным изменениям, в особенности применительно к оговорке о грубой неосторожности пострадавшего, которая умаляла практическое значение вводимых правил. Идея профессионального риска нередко вновь раскрывалась через такое представление о социальной справедливости, при котором расширенная ответственность предпринимателей всегда являлась безвиновной [14, с. 5–6].

От описанных теоретических представлений проистекали первые предложения о введении обязательного страхования жизни и здоровья рабочих, материализовавшиеся в 1912 г. с принятием соответствующего

закона⁷. Сущность описываемой в нем страховой формы возмещения вреда состояла в реализации такой разновидности личного страхования, где страховым событием признавался любой факт гибели или увечья рабочего, произошедший во время или вследствие исполнения им своих обязанностей, независимо от виновности нанимателя. Определение несчастного случая было построено таким образом, чтобы подчеркнуть наступление *ответственности* предпринимателя за профессиональный риск как опасность, создаваемую самими условиями производства работ. При таком подходе потери от рисков, происходящих от опасностей иного рода (например, от эксплуатации транспорта предприятия), не подлежали возмещению, несмотря на то что они могли состоять в причинении физического вреда рабочим и служащим.

В то время как обязанность по оплате страховой премии предлагалось рассматривать в качестве видоизмененной формы деликтной ответственности, утрачивающей свою «индивидуальность», доктрина избегала окончательного определения основания и условий возникновения деликтных обязательств данного рода, вновь ограничиваясь обращением к принципу справедливости. В ситуации, когда расширением пределов ответственности в количественном отношении (увеличением числа обязанных лиц) аргументировалось облегчение бремени ее несения посредством установления границ вознаграждения [13, с. 165], игнорировались различия между правовым результатом, основаниями возникновения и прекращения деликтного и страхового обязательства, а равно и такими разновидностями страхования, как страхование рисков причинения вреда и страхование ответственности.

Интересно, что отход от принципа полного вознаграждения причиненного вреда был характерен уже для закона о специальной ответственности предпринимателей от 2 июня 1903 г., согласно которому ключевым критерием для определения размера вознаграждения служила утрата трудоспособности. Так, в период временной неспособности к труду пострадавший имел право на получение половины своего прежнего заработка в течение всего периода болезни. Далее, в случае лишения способности к труду навсегда и в полном

⁷ О страховании рабочих от несчастных случаев: высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной думой закон от 23 июня 1912 г. // Собрание узаконений. 1912. 11 июля. Отд. I, ст. 1230.

объеме, пожизненная пенсия равнялась 2/3 прежнего дохода, а при частичном сохранении таковой определялась в уменьшенном размере, соответственно степени ослабления трудоспособности. Не оплачивались первые три дня болезни, кроме того, дополнительным ограничением служило исчисление годового содержания пострадавшего из расчета 260 рабочих дней в году, тогда как в реальности продолжительность рабочего времени превышала этот показатель в среднем на 20 дней, то есть практически на один период выплаты заработной платы [15, с. 135–138]. При назначении по желанию пострадавшего единовременной выплаты взамен пожизненной пенсии ее размер был равен десяти ежегодным содержаниям⁸, а расходы на лечение возмещались в суммах, определяемых по нормативам финансирования местных больниц, и только в том случае, если пострадавшему не предлагалось бесплатного лечения в лечебницах, принадлежащих работодателю.

Закон 1912 г. несколько увеличил объем вознаграждения пострадавшим, однако в основу правил его определения была положена обширная практика добровольного страхования предпринимателями жизни и здоровья рабочих, наработанная с 1903 г., в рамках которой задача полного вознаграждения даже не ставилась. Так, пособия временно нетрудоспособным были доведены до 2/3 прежнего заработка, а пенсии при постоянной нетрудоспособности рассчитывались на основании аналогичного показателя, теперь уже с учетом конкретной степени такой утраты. Лишь в редких случаях вознаграждение соответствовало реальному денежному содержанию. К ним относились случаи полной потери зрения, потери обеих рук или ног, сумасшествие и др. Число рабочих дней в году признавалось равным 280 в качестве общего правила, в то же время при замене периодических выплат единовременной суммой сохранялись принципы, изложенные в законе 1903 г. Поскольку предприниматели по-прежнему обязывались организовывать оказание медицинской помощи рабочим за свой счет, расходы на лечение возмещались только тогда, когда данная помощь пострадавшему по тем или иным причинам не предлагалась, и были ограничены двумя параметрами: действительным характером затрат и квотой, утверждаемой присутствием по делам страхования рабочих.

Несмотря на развитие двух столь различ-

ных подходов к правовой регламентации вознаграждения вреда от новых техногенных угроз, в отношении постепенно актуализирующейся проблемы ответственности владельцев автомобильного транспорта высказывалось мнение о том, что определение ее правовой природы «не представляет особых затруднений». К этой категории новых несчастных случаев предлагалось применять те же начала «усиленной» ответственности, которые ранее были предусмотрены для владельцев железнодорожных и фабрично-заводских предприятий [16, с. 583]. Что касается иных случаев возникновения обязанности по возмещению вреда (физического и не только), происхождение которого нельзя было связать с повышенными опасностями особого рода, то здесь законодатель оказался весьма скуп на применение принципа конкретной справедливости [17, с. 290]. Так, например, должностные лица, по общему правилу ст. 677 Свода законов гражданских, лично возмещали вред, причиненный действиями (бездействием), совершенными ими в качестве представителей государственной власти, тогда как специальный процессуальный порядок рассмотрения требований граждан, пострадавших в результате их «неосмотрительности, нерадения и медленности», не отменял условия о вине [18, с. 422–426]. Область имущественной ответственности судей была ограничена случаями приговора невиновному при доказанном наличии «злого умысла» или «пристрастия» либо «явно неправильном толковании закона, ясно изложенного» (ст. 678)⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как можно видеть, в дореволюционный период развития гражданского права применительно к вреду здоровью условно разделялись карательные и справедливые формы компенсации. Основное различие между ними состояло в том, что первые применялись при наличии вины тех или иных лиц в наступлении неблагоприятного результата, вторые же предписывали отдельным субъектам нести вызванные их деятельностью материальные потери только потому, что было бы несправедливым сохранить их бремя за потерпевшим.

Вместе с тем последовательному применению этого подхода препятствовали соображения практической целесообразности,

⁸ Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1909 г. № 15 // Законы гражданские. Т. I. С. 667.

⁹ Решение Кассационного департамента Правительствующего Сената от 1891 г. № 8; от 1885 г. № 76 // Законы гражданские. Т. I. С. 672.

оправдывающие предоставление жертве права требования к наиболее состоятельному в имущественном плане лицу в качестве эффективного средства гражданско-правовой защиты. Так, в исследуемый период уже допускалось расширенное толкование конструкции деликтной ответственности, включающее в нее справедливую обязанность по вознаграждению материальных потерь, проистекающих от определенного рода деятельности, субъектами, извлекающими от такой деятельности основные экономические выгоды и обладающими для ее исполнения необходимыми материальными ресурсами, то есть такая ответственность в ряде случаев модифицировалась из карательной в справедливую форму компенсации. Во избежание такого «упрощения» предлагались механизмы предупреждения несправедливости уже по отношению к обязанным лицам, включая возможность окончательного доведения ответственности до виновного лица (право регресса), установление ограничений по объему и размеру компенсаций, введение обязательного страхования пропорционально количеству или качественному расширению пределов «ответственности». Карательные средства компенсации реализовывались так же посредством регламентации обособленных правил о вознаграждении за вред в зависимости от тяжести недозволенного деяния, введения ограничений, препятствующих переложению материальных потерь на лиц, не являющихся непосредственными причините-

лями вреда, при совершении последними некоторых преступлений и проступков, а также правила о возможности охватить вознаграждением опосредованные последствия правонарушения в части, касающейся умышленных недозволенных деяний.

Наряду со всем сказанным важнейшим заблуждением, на долгие годы определившим содержание дискуссий о назначении института гражданско-правовой ответственности, стало размывание границ между карательным и справедливым средством компенсации. Устранение этой системообразующей проблемы сегодня требует от цивилистической доктрины формирования единой позиции по ряду весьма «неудобных» вопросов, включая, в частности, вопросы о том, существует ли в зоне гражданско-правового регулирования вина за пределами традиционных понятий умысла и неосторожности, должна ли большая или меньшая вина влиять на возможность фактического доведения ответственности до нарушителя, может ли размер материальной ответственности отличаться в зависимости от степени тяжести и общественной опасности деяния, в каких пределах допустим регресс в деликтных и страховых правоотношениях и др. Таким образом, различие между карательными и справедливыми формами возмещения вреда и по сей день является своего рода методологическим «ключом» к решению многих противоречий и проблем правовой регламентации деликтных обязательств.

Список источников

1. Шерстобитов А.Е. Гражданско-правовое регулирование личных прав граждан: теоретические основы и проблемы совершенствования в эпоху глобализации / А.Е. Шерстобитов, А.Х. Ульбашев // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 440. – С. 231–243.
2. Андреев В.К. Существо нематериальных благ и их защита / В.К. Андреев // Журнал российского права. – 2014. – № 3. – С. 27–33.
3. Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало социализации и гуманизации деликтной ответственности / Д.Е. Богданов // Адвокат. – 2013. – № 3. – С. 7–19.
4. Монастырский Ю.Э. Реформа гражданско-правовых обязательств в РФ и ее влияние на институт возмещения вреда (убытков) / Ю.Э. Монастырский // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 54. – С. 689–698.
5. Яблочков Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков / Т.М. Яблочков. – Ярославль : Тип. Губернского правления, 1911. – Т. II. – 612 с.

REFERENCES

1. Sherstobitov A.E., Ulbashev A.Kh. Civil law regulation of personal rights of citizens: theoretical foundations and problems of improvement in the era of globalization. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University, 2019, no. 440, pp. 231–243. (In Russian).
2. Andreev V.K. The essence of intangible benefits and their protection. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law, 2014, no. 3, pp. 27–33. (In Russian).
3. Bogdanov D.E. Justice as the basic principle of socialization and humanization of tort liability. Advokat = Advocate, 2013, no. 3, pp. 7–19. (In Russian).
4. Monastyrsky Yu.E. The reform of civil law obligations in the Russian Federation and its impact on the institution of compensation for harm (losses). Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences, 2021, iss. 54, pp. 689–698. (In Russian).
5. Yablochkov T.M. Vliyanie viny potepvshogo na razmer vozmeshchaemyh emu ubytkov [Influence of the victim's guilt on the amount of damages reimbursed to him]. Yaroslavl, Printing house of the Provincial government Publ., 1911. Vol. II. 612 p.

6. Гуляев А.М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. Сената и проекта Гражданского уложения / А.М. Гуляев. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 638 с.
7. Змирлов К.П. Вознаграждение за вред и убытки, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных железнодорожными и паровыми предприятиями : по решениям Правительствующего сената / К.П. Змирлов. – Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1908. – 200 с.
8. Дювернуа Н.Л. Конспект лекций по русскому гражданскому праву / Н.Л. Дювернуа. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – 425 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 851 с.
10. Тютрюмов И.М. Законы гражданские / И.М. Тютрюмов. – Петроград : изд. И.И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1915. – Т. I. – 870 с.
11. Брук М. Хроники гражданского суда / М. Брук // Юридический вестник. – 1886. – № 12. – С. 707–722.
12. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России / В.П. Литвинов-Фалинский. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1900. – 365 с.
13. Литвинов-Фалинский В.П. Ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих по действующим в России законам / В.П. Литвинов-Фалинский. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1903. – 382 с.
14. Нолькен А.М. Законы о вознаграждении за увечье и смерть в промышленных заведениях частных, общественных и казенных: практическое руководство / А.М. Нолькен. – Санкт-Петербург : Изд. юридического книжного склада «Право», 1911. – 372 с.
15. Войтинский И. Общая и профессиональная трудоспособность в сенатской практике по применению закона 2 июня 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих / И. Войтинский // Право. – 1912. – № 3. – С. 134–138.
16. Гинс Г. Автомобильное право, в особенности гражданская ответственность владельцев автомобилей / Г. Гинс // Право. – 1910. – № 10. – С. 580–589.
17. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Москва : Статут, 2020. – (Классика российской цивилистики). – 351 с.
18. Лазаревский Н.И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами / Н.И. Лазаревский. – Санкт-Петербург : Тип. Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1905. – 712 с.
6. Gulyaev A.M. Russkoe grazhdanskoe pravo. Obzor dejstvuyushchego zakonodatel'stva, kassacionnoj praktiki Prav. Senata i proekta Grazhdanskogo ulozheniya [Russian civil law. Review of current legislation, cassation practice of the Governing Senate and draft Civil Code]. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1913. 638 p.
7. Zmirlov K.P. Voznagrazhdenie za vred i ubytki, vsledstvie smerti ili povrezhdeniya zdorov'ya, prichinennyh zheleznodorozhnymi i parohodnymi predpriyatiyami: po resheniyam Pravitel'stvuyushchego senata [Compensation for harm and losses due to death or damage to health caused by railway and steamship enterprises: by decisions of the Governing Senate]. Saint Petersburg, Senate Printing House Publ., 1908. 200 p.
8. Duvernoix N.L. Konspekt lekcij po russkomu grazhdanskomu pravu [Abstract of lectures on Russian civil law]. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1897. 425 p.
9. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian civil law]. Moscow, Brothers Bashmakov Publ., 1911. 851 p.
10. Tyutryumov I.M. Zakony grazhdanskije [Civil laws]. Petrograd, Zakonovedenie Publ., 1915. Vol. I. 870 p.
11. Brook M. Chronicles of the Civil Court. Yuridicheskij vestnik = Legal Bulletin, 1886, no. 12, pp. 707–722. (In Russian).
12. Litvinov-Falinsky V.P. Fabrichnoe zakonodatel'stvo i fabrichnaya inspekciya v Rossii [Factory legislation and factory inspection in Russia]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1900. 365 p.
13. Litvinov-Falinsky V.P. Otvetstvennost' predprinimatelej za uvech'ya i smert' rabochih po dejstvuyushchim v Rossii zakonam [Responsibility of entrepreneurs for injury and death of workers under the laws in force in Russia]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1903. 382 p.
14. Nolken A.M. Zakony o voznagrazhdenii za uvech'e i smert' v promyshlennyyh zavedeniyah chastnyh, obshchestvennyh i kazennyh: prakticheskoe rukovodstvo [Laws on remuneration for mutilation and death in private, public and state industrial establishments: a practical guide]. Saint Petersburg, Pravo Publ., 1911. 372 p.
15. Voitinsky I. General and professional capacity for work in Senate practice on the application of the law of June 2, 1903 on the remuneration of crippled workers. Pravo = Law, 1912, no. 3, pp. 134–138. (In Russian).
16. Gins G. Automobile law, in particular the civil liability of car owners. Pravo = Law, 1910, no. 10, pp. 580–589. (In Russian).
17. Pokrovsky I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [Main problems of civil law]. Moscow, Statut Publ., 2020. 351 p.
18. Lazarevsky N.I. Otvetstvennost' za ubytki, prichinennye dolzhnostnymi licami [Responsibility for losses caused by officials]. Saint Petersburg, Slovo Publ., 1905. 712 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolesnichenko Olga Viktorovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 19.10.2022. The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 19.10.2022.